

Григорий Курлов

Обалденника Книга-состояние

ФИЛОСОФИЯ СМЕХА

Часть вторая

Философия смеха

Григорий Курлов

**Обалденика. Книга-
состояние. Фаза вторая**

ИГ "Весь"

2007

Курлов Г. П.

Обалденика. Книга-состояние. Фаза вторая / Г. П. Курлов — ИГ "Весь", 2007 — (Философия смеха)

ISBN 978-5-9573-1251-2

Спрашиваете, почему – «Обалденика»? Да потому, что знанием надо не овладевать, а обалдевать. Если вы овладели знанием, можете не сомневаться – столь же властно и беззастенчиво оно овладело вами. Вы становитесь заложником своего знания! А самое обидное, что и не своего даже, а абсолютно чужого, всего лишь вовремя и коварно вам подброшенного. Истинным знанием можно лишь обалдевать. Только так оно станет таким же обалдевшим. Обалдевшим от жизни, радости и изобилия, от радостного изобилия жизнью. Обалдевшим, а значит не знающим запретов и не ведающим границ. Спрашиваете, что вам от этого? Много. Очень много. Ибо истинное знание – это ощущение Счастья, это присутствие себя в жизни и жизни в себе. Как прийти к этому? Как сотворить такую дерзость в своей жизни? Шаг к шагу, улыбка к улыбке, состояние к состоянию. Так состоятельными и делаются.

ISBN 978-5-9573-1251-2

© Курлов Г. П., 2007

© ИГ "Весь", 2007

Содержание

Предисловие к серии	5
Освоение пространства игры	6
Состояние седьмое,	7
Смех как инструмент сверхсознания	11
Технология «смеха третьим уровнем»	17
Рекомендации по созданию состояния	26
Состояние восьмое,	27
Единство и двойственность мира. Иллюзорность выбора. беременность проблемой	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Григорий Курлов

Обалденика. Книга-состояние. Фаза вторая

Предисловие к серии

Книги, публикуемые в серии «Философия Смеха», связаны воедино не просто общей темой. Исследуемый в них СМЕХ обнажает нечто большее, чем просто совокупность понятий. Объединяющее качество смеха помогает вскрыть потенциал совершенно иного способа существования, более того – формирует уникальные механизмы для его реализации.

Сейчас уже никто не сомневается, что в своем отношении к Миру, а главное, к себе, человечество давно зашло в тупик. Состояние непрерывной борьбы со вся и всем: с болезнями, с природными катаклизмами, с самим собой – окончательно подорвало его жизненные силы и полностью обнулило естественную внутреннюю динамику.

Нынешнее человечество испытывает колоссальный дефицит оптимизма. По поводу своего настоящего, своего будущего, по поводу своей способности быть счастливым. Оно давно подозревает, что ему не стоит ждать милости от природы, после того что оно с ней сделало. Особенно – с природой своей, человеческой.

В книгах, вошедших в серию, предлагается более чем неожиданный выход из сложившейся ситуации. Выход предельно простой, абсолютно естественный и доступный любому.

Каждая книга – это прежде всего практическое руководство. Руководство не только по решению насущных проблем, но одновременно – по возвращению к своей естественной человеческой природе. Это пособие по обретению действительно качественной и изобильной жизни. По обретению Жизни вообще.

В серии выходят книги *«Проктология Счастья»*, *«Обалденика. Книга-состояние»* (книги 1 и 2, разделенные на 4 фазы) и, в ближайшее время, – *«0,14. Книга-трансформация»*.

Книга *«Обалденика. Книга-состояние»* ранее уже публиковалась под названием «Путь к Дураку», однако включение в общую серию потребовало некоторого изменения ее внутренней структуры и, как следствие, самого названия.

«Проктология Счастья», написанная несколько позже, является естественным продолжением тем, поднятых в первой книге, и их закономерным развитием.

И, наконец, *«0,14. Книга-трансформация»* выводит исследуемые темы на совершенно новый и во многом неожиданный уровень, рассматривая вопросы изменения физической основы человека и, как неизбежное следствие, – самого пространства его существования.

А стержнем всех книг является призыв к непрерывному движению в сторону комфорта, к превращению своей жизни в источник неизбывной радости, радости *от всего и всегда*.

Освоение пространства игры

Книга первая

Фаза вторая

Все больше людей нашу тайну хранит...

Состояние седьмое, заразительное

Петя стоял перед огромными воротами, ведущими в замок Змея Горыныча. Массивные, изрядно подгнившие бревна, из которых они были сложены, перехватывали металлические скобы, заржавевшие от древности.

Видно было, что воротами давно никто не пользуется.

– Оно и понятно, – подумал Петя, протискиваясь промеж приоткрытых створок. – Летучий же...

Казалось, что мрачный замок Горыныча сложен из камня, наспех подобранного где ни попадя, – был он весь бугристый какой-то и неровный.

– Видать, построил Змей замок из камней, в его огород брошенных, – озадаченно бормотал Петя, бродя по двору взад-вперед и пытаясь найти вход.

Двор, как и сам замок, выглядел заброшенным и безлюдным. Потыкавшись вокруг, нашел-таки Петя лесенку узкую, стал по ней подниматься.

Дошел до двери невысокой, дух перевел и, глянув к себе внутрь – неподвижно озеро спокойствия было, зеркально, – толкнул дверь.

В высокой зальной комнате с огромным, как ворота, окном на груди подушек почивал Змей Горыныч, похрапывая в три голоса, каждой головой на свой лад.

Петя постоял, осматриваясь, и негромко позвал:

– Эй... – сказал он. И после паузы громче: – Эй!.. говорю!..

На один храп стало меньше. Средняя голова, приоткрыв веко, невнятно пробормотала:

– Я же тебе сказал: «Приходи завтра!» А ты каждый раз сегодня приходишь, да сегодня...

Голова гулко потянула носом и вдруг резко вскинулась:

– Дух... – сказала она, вращая глазами, – человеческий дух...

Нашарила взором Петю и будто насквозь пронзила злющим взором. У Пети что-то екнуло внутри, почти на автомате он включил в себе смех.

– ...Человек... – проговорил Горыныч средней головой. – Человек – это звучит гордо... вот только выглядит отвратительно...

– Я тоже хочу звучать гордо... – не открывая глаз, пробормотала левая голова.

– А ты – рот закрой, – оборвала ее средняя, – сквозит ведь...

Ты кто? – спросила у Пети.

– Я – Петя, – ответил тот. Закончив внутренний смех, он был вновь спокоен. – А ты? Значит, ты и есть Змей Горыныч?..

– Я?.. – Горыныч хохотнул средней головой. – А что, не похож? Ну, считай тогда, что я помесь акулы с Золотой Рыбкой. Исполняю любое желание... Последнее.

Что нужно здесь?.. – добавил уже угрожающе, с рыком, из его открытой пасти потянулась слабая струйка дыма.

Колыхнулась на длинной шее и поднялась, с осязательным трудом отворяя глаза, правая голова. Выражение ее морды было откровенно нецензурным. Глянув на Петю, она икнула. Потянуло перегаром.

– Старуху ищешь, – сказал твердо Петя. – Кощей сказал – у тебя она.

– Старуху?.. – удивилась средняя голова. – Постой, постой... Так ты тот самый Петя?.. – Что-то новое мелькнуло в ее взоре.

Наслышан я о тебе, Петя, а как же... Говорят, растешь ты на глазах прямо...

– Как бельмо!.. – хихикнула правая голова и вновь икнула.

– Старуху, значит... – не обращая на нее внимания, продолжал Горыныч головой средней. – Кощей, говоришь, сказал?.. Не иначе, как вновь приступ честности у него... Мается, бедолага...

– Старуха где?.. – напомнил о себе Петя. Он глядел на свое «внутреннее озеро покоя», с ужасом наблюдая за все более усиливающимся там штормом. Из недр его родовых неспешно подымался дикий ужас перед нечистью, поедающей его взглядом.

Петя сделал внутреннее усилие, пытаясь включить смех, да не тут-то было – мысли, плененные страхом, судорожно металась в голове его, улыбка на лице превратилась в гримасу, и вместо смеха он ощутил в себе лишь дребезжание странное и натужное.

Совсем уж было растерялся бывший старик, как неожиданно фыркнул в нем кто-то, и урчащий голос Мява спокойно и насмешливо сказал: «Слушай себя, Петя, слушай внимательно, загляни под мысли свои испуганные, услышь наконец, то, что давно уже живет в тебе».

И Петя услышал вдруг... Будто целый хор голосов детских смеется в нем взхлеб, заполняя его едва осязаемым, но несомкваемым смехом с головы до самых пяток. Всего лишь мгновенье слышал он это, но сразу же свободу внутреннюю ощутил – ужаса, ледящего душу, как не бывало, а кудахтанье внутреннее вновь в привычный смех превратилось.

Измудился Петя, не понимая, что же такое приключилось в нем, но особенно раздумывать сейчас было некогда.

Будто разбуженная смехом, вскинулась и левая голова. Она расплылась в оскале улыбки, словно и не спала. Потянулась всем Горынычевым телом, сладко крякнув.

– Баба с возу, – сказала, – потехе час. А ты, лапоть, все по сказкам шляешься, ушами хлопаешь...

– Да, да, – ослабилась ей вслед и правая, – оставил бы ты старуху свою в покое... Что тебе до нее сейчас? Ничто так не украшает, понимаешь ли, женщину, как временное отсутствие мужа...

– Вот-вот, была здесь как-то одна... – вклинулась в разговор и средняя. – До чего изысканно сложена была... Помню, я все никак не мог оторвать от нее глаз. Пришлось начинать с уха...

Как ни странно, но именно в этот момент, пропуская все насмешки мимо ушей, Петя и достиг состояния Хозяйского. Пережитый в течение нескольких мгновений сильный, по роду переданный ужас перед тварью летучей словно придал нынешнему его состоянию особую глубину, будто маятник внутренний в другую сторону качнуло...

Такого с ним еще не было – вроде как двое его стало. Один, смеющийся, будто со стороны на Петю смотрит, а другой и есть Петя, что и первого в себе так же ощущает. Первый – спокойный, со смехом легким за всем наблюдает, а второй Петя такой же, как всегда, – бывший нестарый старик, с бурчащим сейчас животом. И все ж не двое их, а один... такая вот петрушка... Странное, но занятное ощущение.

Забавно очень Пете стало. А главное, глядел он, как Змей его окручивает, да запугивает всячески, и не окручивался, не запугивался, а напротив даже – веселость в себе ощутил.

Горыныч же, отчего-то интерес к Пете утратив и будто даже забыв о нем, болтал одновременно в три головы.

– ...Приходят разные, хамят, – говорила одна, – на бой вызывают, а что?.. Я и не против. Каждый рыцарь – это семьдесят-восемьдесят килограммов хороших мясных консервов. Латы аккуратненько так отогнешь...

– ...И всю оставшуюся жизнь он видел летящий в него кирпич... – вспоминала о чем-то своем, приятном, другая голова.

– ...Ничего не понимаю!.. – говорила третья, ковыряя в носу когтистым толстым пальцем. – Впрочем, какая разница?..

Неожиданно Горыныч замолчал весь и в шесть глаз уставился на Петю.

– ...А было у царя три сына... – неожиданно начал он говорить головою левою. – И послал их отец во двор. Наступил на грабли старший сын. И шандарахнула его рукоять промеж глаз ясных... Наступил на грабли средний сын. И туда же шандарахнула его рукоять та же... Пригорюнился тут младший сын... Да делать нечего...

Петя слушал Змея вполуха, так как вновь ощутил странное – словно тысячи звонких голосков засмеялись в нем, то ли отзываясь на внутренний смех, то ли напротив – призывая и поддерживая его. Будто каждая клеточка стариковская превратилась в маленькую самозабвенно хохочущую рожицу.

Длилось такое состояние совсем недолго, вспыхнув лишь на мгновение смеющимся светлым пламенем.

– Глупая сказка, – сказал Петя, возвращаясь к действительности и обрывая Змея на полуслове, – не про меня.

– А вот это мы как раз и проверим, – прошипела средняя голова Горыныча. – Старуху тебе...

Слушай сюда, Петя, – сказала она вдруг пронзительно. – Диктую большими буквами...

Три желания моих исполнишь – твоя старуха. А нет если – то и ты моим станешь...

Змей загоготал в три глотки, наполнив воздух смрадом перегарным, и добавил, глядя на Петю уже откровенно кровожадно:

– Одна голова хорошо, конечно, но без нее смешнее как-то...

– Вот тебе мое первое желание, – сказал Горыныч. – Подарок хочу. Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что. Во как...

Он злорадно глянул на бывшего старика в шесть налившихся кровью глаз... да вдруг жалобно охнул и осторожно ухватился когтистыми лапами за свой огромный живот.

Внутри живота у него что-то квакало и оглушительно урчало, словно стараясь вырваться наружу. Ругаясь и постанывая одновременно, Горыныч шумно ринулся из комнаты, оставляя Петю наедине с собой.

* * *

– Да уж... – бормотал приунывший Петя, нагуливая круг за кругом по громадной горнице Горыныча. – Куда идти? Чего искать? Подарок ему принеси... Меч бы кладенец тебе в подарок...

Совсем уж буйну голову он повесил, глазами потускнел да мыслями тяжелыми, как камнями, придавил себя... Как что-то рядом с Петей муркнуло, вздохнуло мелко, по-кошачьи, и повисла в воздухе перед ним улыбка рыжая.

– ...Место клизмы, Петя, – насмешливый голосок Мява в голове его заурчал, – ну никак изменить нельзя. Видно, вновь тебе ее в ухо впихивать придется, мысли чтоб сполоснуть, настроения глупые почистить, а не то далеко заведут они тебя...

– Будто потеряю я оттого что-то... – вздохнул Петя в ответ. – Мне и надлежит-то идти – «туда, не знаю куда»...

– А если не знаешь, куда идти, то и направляйся, куда захочешь, – любой путь тебя туда и приведет, – урчал Мяв дальше в голове его. – Стараясь куда-то добраться, в себе только заблудишься... И Яга тебе о том же речь вела – *дело не в том, куда идешь, а в том, что идешь*...

– Эх, не хватает ума моего разобраться во всем, – засокрушался старик бывший. – И ведь чувствуется, что есть в речах твоих кошачьих что-то толковое, да вот наружу все никак не вылезет...

– Главный недостаток ума, – ласково урчал Мяв прямо в ухе Петиним, – это как раз его присутствие и есть. Вечно он лезет туда, где и без него неплохо... Чувется что-то, говоришь?

Вот за это одно и держись, этому только и следуй. Все другое в тебе – враки чужие, с детства привитые.

– ...Главное тебе уже ведомо, – продолжал урчать Мьяв теперь уже в другом ухе, – с проблемой никогда не борись. Сначала успокойся в ее объятиях, а затем и сам ее обними – пусть теперь она в тебе успокоится.

...И не расстраивайся ты так, Петя, – с подозрительным участием продолжал Мьяв свои увещевания. – Никогда не бывает плохо настолько, чтобы не могло стать еще хуже.

– Ну спасибо тебе, Мьяв, утешил... – язвительно сказал Петя. – Что ж мне теперь, каждому камню спотычному в дороге своей радоваться, что ли?

– А ты просто вложи камень преткновения с пути своего в фундамент удачи грядущей – и всего делов-то, – говорил кот, но все тише уже. – И цени врагов своих – они первыми замечают все места твои слабые. Туда и жмут, там и болеть будет, а что тебе дальше с той болью делать – ты уже и сам знаешь. Смейся, Петя, да смотри, не упусти того смеха, что в тебе самом пробуждаться уже начал.

А подарок Горынычу, – шепнула улыбка, растаяв почти, – в себе же и поищи, пошарь там рукой Хозяйскою...

Визит Мьява лишь пуще Петю расстроил.

– Пришел, понимаешь, поурчал, помявкал, а ясней от того не стало, – бурчал он себе под нос, из угла в угол вышагивая. – Идя – не ищи... а ища – не придешь... Аферист какой-то, а не кот, дзэн кошку его так...

Охо-хо... – вздохнул. – Не выполню воли Горыныча, так себя ведь и не жалко, а чего дурака жалеть-то? Вот за старуху обидно: едва старухой она быть перестала да вредность свою растеряла, так новая напасть – поди сюда, полезай в полон...

И такая печаль вновь Петю за сердце взяла, как давно уже того не было...

Да вдруг опомнился он, всколыхнулся весь.

– Это что же такое я делаю? – себя спросил удивленно. – Не годится так... Это из какой же гадости внутренней я сейчас мир творю? День завтрашний? И старуху свою я вот из такой боли сердешной и печали драной строю? Да не бывать тому!..

Распахнул он руки в стороны, будто белый свет обнять решил, смеяться начал. Вверх смех пустил по телу, вниз... во всем теле смех включил. А затем и теплом своим наружным засмеялся, тоже вроде как телом, но тонким каким-то, невидимым...

И вновь случилось: Петя уж и смеяться перестал, а внутри себя слышит – смех детский звучит несмолкаемо, все его тело улыбкой наполняя...

* * *

С лязгом распахнулись огромные, как ворота, двери, впуская в горницу Змея Горыныча. Он шел, слегка пошатываясь, и осторожно придерживал брюхо чешуйчатыми лапами, а головы его громко бранились меж собою.

– ...А ты вообще молчи, – говорила левая голова правой, – кто вчера, как последний дурак, снотворного на ночь наглотался?

– Ну и что?

– Как это что?! Это после того, как я столько же слабительного выпил?..

– Подумаешь... отмылись ведь уже... Не надо только размахивать бревном, которое из своего же глаза вынул... Брюхо сейчас из-за кого болит?.. Говорил же, что питание отдельным должно быть – мухи отдельно, варенье отдельно...

Петя, желая обратить внимание на себя, негромко прокашлялся, вежливо улыбаясь. Все три морды Змея тотчас же повернулись к нему, недоуменно уставившись на его широкую улыбку.

– Так ты еще здесь, человек? – скривился Горыныч сразу двумя своими физиономиями и плюнул третьей. – Сказано же было: туда – не знаю куда...

Левая его голова хищно оскалилась и сказала:

– Если бы мы хоть иногда знали о своем будущем...

– ...То не так бы смеялись, расставаясь со своим прошлым, – закончила за нее голова правая, и Петя ощутил, как на нем плотно сомкнулись лапы Змея.

– Люди делятся на хороших и плохих, а также – на головы и туловища... Ты сам-то что выбираешь? – издевательски спросила его голова средняя...

И тут Горыныча вновь скрутило...

Он жалобно в три глотки заохал, опять ухватился за живот и беспомощно скорчился на полу.

– Да, видать, сильно у него брюхо-то болит, – негромко пробормотал старик, внимательно наблюдая за ним. – Вишь, как мается, бедолага...

Немного поколебавшись, Петя все же решился и, приблизившись к Горынычу, похлопал его по лапе.

– А ну-ка, пусти, – сказал он, деловито лапы Змея расталкивая, и добавил: – Подарок искал? «Не знаю что» хотел? Ну вот и получай теперь...

Раскинутыми в стороны руками он обхватил огромный живот Змея и включил в них смех... Удивленный Горыныч, не смея мешать ему, лишь тихо постанывал и прислушивался к себе.

Петя смеялся, как всегда, до «не хочу», а затем неожиданно сделал странное – он будто вынул из себя шар невидимый и смеющийся, меж ладоней его поместив, да прямо в брюхо к Змею и вставил – пусть теперь он там поживет, посмеется...

– ...А ведь не болит, – чуть погодя сказал удивленно Горыныч головой левой и осторожно пощупал живот.

– ...Совсем не болит, – расплылся он в недоверчивой улыбке головой правой.

– Ай да Петя, – сказал головой средней. – Значит, вот это и есть «не знаю что»?.. Да ведь это просто черт-те што какое-то...

– Зато от всего помогает, – сказал Петя, радостно улыбаясь.

Стремительно обретая прежнюю наглость, Горыныч покосился на улыбающегося старика.

– Рано веселишься, – сказал, – это всего лишь первое задание было. Примерочное... Посмотрим, как дальше справляться будешь.

Он еще раз внимательно осмотрел Петю.

– Чем ближе кого узнаешь, – поделился с ним сокровенным, – тем подальше потом пошлешь...

Так что ступай, Петя, в Царство Тридешатое... или Тридевятое?.. Запомнювал... И принеси мне блюдечко волшебное и яблочко наливное, что по нему бегают, да все, что хошь, показывает...

А как не принесешь... ну, про то ты уже и сам ведаешь...

Смех как инструмент сверхсознания

Сильная душа, сознающая свой бессмертный материал и неисчерпаемый океан своих вечно текущих энергий... по ту сторону мысли слышит детский смех...

Шри Ауробиндо

– Не слушай тот поверхностный голос, который заставляет тебя злиться, – требовал дон Хуан. – Вслушайся в глубинный голос,

который будет направлять тебя, начиная с этого момента, – тот голос, что смеется. Вслушайся в него! И смейся вместе с ним. Смейся! Смейся!

К. Кастанеда. «Активная сторона бесконечности»

В реанимации врач спрашивает у пациента с торчащим из спины топором:

– Вам очень больно?

– Да нет, только когда смеюсь.

Анекдот

Человек, как дитя Природы, как создание Божье, щедро наделен целым рядом свойств, способностей и механизмов, об истинном назначении которых он либо не подозревает вообще, либо только начинает постигать их скрытый смысл, робко и неуклюже используя лишь верхний слой их непроявленных возможностей.

Так, например, наша, казалось бы, вполне заурядная способность издавать звуки, при соответствующем ее использовании, открывает доступ не только к управлению психосоматической организмом, но даже к осязаемому влиянию на внешние физические процессы. Произнося определенные звуки, пропевая их сочетания, можно, скажем, остановить кровь, улучшить зрение или вылечить сердце, зажечь огонь, изменить физические характеристики воды и даже активизировать свой Божественный потенциал. На этом основана вся *Мантра-йога*, этим же во многом определяется трансформирующая сила канонических молитв и народных заговоров.

Оказывается, что даже в таком естественном и, казалось бы, незамысловатом процессе, как дыхание, заложена, тем не менее, возможность к глубочайшей трансформации человека, совершенствованию его физики и энергетики, а главное – к пробуждению его духовного начала. Подробно этот вопрос исследуется в йоге, хоть сама возможность издавна используется во многих оккультных и религиозных школах, даже в христианстве.

К сходным состояниям приводит умение управлять своим вниманием и способность к его концентрации на тех или иных важных центрах, скажем, на пресловутом «*третьем глазе*» или на области копчика – хранилище *Кундалины*, некоей космической «*змеиной силы*».

Стоит также упомянуть, что все органы и центры человеческого организма имеют странное соответствие определенным точкам и зонам, сконцентрированным в самых неожиданных местах: на ладонях, на подошвах, на скальпе, на радужке глаза, на ушных раковинах, на лице и даже на поверхности языка. Состояние этих точек отражает состояние всего организма, и через воздействие на них возможно вносить коррективы в его работу.

То есть выясняется, что существует возможность через вполне конкретные, хоть и весьма специфические манипуляции с психикой или физическим телом вскрывать и пробуждать в человеке целый ряд удивительных и традиционно не свойственных ему способностей и состояний, обычно называемых «*сидхами*» (чудесными способностями).

И сам по себе напрашивается вывод, что *в нас присутствуют заложенные как бы впрок и до поры до времени спящие механизмы, через которые возможен доступ к непроявленному потенциалу Хозяйской творческой энергии и возможности стремительной духовной Эволюции*. Причем было бы весьма неразумно, да что там – попросту неуважительно к воле Богов и Вселенной, именно так все задумавших, не попытаться этот потенциал реализовать.

К настоящему времени одним из таких механизмов, причем самым известным, хоть и наименее изученным, самым перспективным, но наименее серьезным, самым доступным, но наименее используемым, самым объединяющим и Божественным, но почему-то «отлученным» от канонической церкви, – представляется СМЕХ.

А техникой, и пока единственной, позволяющей сознательно использовать это малоуправляемое и достаточно спонтанное качество нашего сознания, – является *«внутренний смех»*.

Продолжая наше исследование, хотелось бы обратить внимание вот на что.

Мы уже говорили, что смех начисто отсутствует у животных. Но, как это ни странно, смех *часто* отсутствует и у людей. У людей с очень молодыми душами и привязками к грубым физическим ощущениям. То, что они называют «смехом», – всего лишь насмешка, сарказм, «скалозубие» и *истинным смехом* не является.

При таком «смехе» активно работает ментал, происходит оценка, и возникает осуждение, чем «подпитывается» программа собственной значимости. И как результат – провоцируется разрушение как на внутреннем, так и на внешних планах.

Это даже не нижний уровень смеха, это – «антисмех», это смех как бы в «минус-фазе». Такой «смех» действительно приближает «смеющегося» к тому, что в рамках религий зовется Дьяволом. Именно этот негативный аспект мнимого смеха и осуждается в православии.

Он столь же неприемлем и неприятен как в быту, так и в широком социуме. Он порождает цинизм, пошлость и нетерпимость. И лишь по ошибке, из-за скудности языка нашего он также зовется «смехом».

В отношении же смеха истинного в писании сказано следующее: *«Веселое сердце благотворно, как врачевство, а унылый дух сушит кости» (Притчи)*.

Хотя нужно сказать, что в какой-то степени опасения отцов канонической церкви не совсем беспочвенны и являются вполне закономерной реакцией на отголоски *«полуживотной древности человеческой»*, еще живущей в нас.

Есть мнение, что многие психические болезни, деструктивные программы и странные наклонности как бы воспроизводят первобытные инстинкты наших предков и отражают особенности их «дикой» психики.

То есть оказывается, что в глубинах нашего сознания все еще живет некий дикий *«палеантроп»*, оказывающий на нас ощутимое влияние и подчиняющийся своей воле. Прав был Евгений Евтушенко:

...Я с каплей крови
при порезе пальца
роняю из себя неандертальца,
и он мне шепчет,
скрытый в тайном гене:
«Не лучше, если б мы остались в пене?»

Вот и выходит, что наше подсознание буквально одержимо некой древней сущностью и во многом подчинено ей. Именно эту животную и, можно даже сказать, «сатанинскую» особенность обнажает у некоторых людей присущий им «смех» – *все осуждающая насмешка*.

Но не стоит пугаться сказанного, суетиться и бегать в поисках экзорциста – специалиста по изгнанию «бесов». Древние люди, так же как и животные, не могли смеяться. А вы можете. И теперь у вас есть исключительная возможность уйти от этой древнейшей зависимости, «разрядив» в себе нереализованные инстинкты «своего неандертальца».

Разработано множество приемов и способов для «проникновения» в подсознание. И достаточно «жестких», наподобие классического гипноза и психофизиологического кодирования, и весьма «мягких», таких как методики Луизы Хей и Хосе Сильвы, как НЛП и суггестивная лингвистика. Однако не вызывает сомнений их искусственность, и поэтому нам гарантирована негативная реакция подсознания на насильственное вторжение в «святая святых».

Но ведь существует естественный, безопасный и, что самое главное, – очень эффективный и доступный всем способ вхождения в контакт с подсознанием.

Раджниш по этому поводу говорил: *«Когда вы действительно смеетесь, внезапно ум исчезает... Смех – это одна из самых красивых дверей, чтобы попасть в „не-ум“».*

Зачем мы стремимся попасть в подсознание? Ну уж точно не для того, чтобы ввести туда дополнительные записи, пусть даже такого характера: *«Я – гений...»* Глупо кодировать себя на то, чем мы уже являемся, да и вообще любое кодирование по своей сути нелепо и разрушительно.

Мы вскрываем смехом подсознание с одной только целью – освободить его от присутствующего в нем «шлака» ненужных, *искусственных* программ. И разрядить их смехом же.

Это очень важно. Появившиеся в последнее время исследования говорят о бесперспективности попыток посредством *лишь словесной терапии* воздействовать на программы, которые глубоко «растворены» в нашем теле. Психотерапевты работают лишь с верхним слоем записей, а в случаях программ, присутствующих на уровне клеток, эффективность их работы стремительно падает. И требуются уже более серьезные мероприятия, которые, однако, *классическая* психиатрия не признает.

В рамках нашей школы мы используем для этого удивительно эффективный «внутренний смех». Практикуя его, мы предельно ослабляем доминирование ментала над нами. Сложная машина мыслей как бы останавливается...

Но странное дело – глупей от этого мы почему-то не становимся. Скорее напротив – смех, выключая искусственные программы, позволяет обрести истинную разумность, так как именно в таком «нементальном» состоянии, через ощущения, приходит понимание того, какую значительную часть жизненной энергии эти программы «стягивали» на себя. Зато теперь вся освобожденная смехом энергия непрерывно утверждает нас в новом качестве, наполняет оптимизмом и желанием жить.

Хаоса мыслей нет – несколько непривычно, но насколько ярче и красочнее становятся ощущения! Осознание всего делается более отчетливым и позволяет глубже и убедительнее ощутить все, ранее казавшееся спорным и зыбким.

В таком состоянии длящегося внутреннего смеха и ментального затишья возможно даже читать, хоть при этом не происходит считывания по одному слову, как прежде. Мы воспринимаем уже некий информационный поток, словесно не обусловленный. Тот, кто занимался техниками *скорочтения* и специально тренировался в выключении *внутреннего проговаривания*, хорошо понимает, о чем идет речь.

Но все же главное, что при этом словно выключаются ментальные программы. В таком состоянии исчезают и становятся прозрачными границы пресловутой «зоны комфорта». Вы *«депрограммируетесь»* как компьютер и становитесь реально свободными.

Таким вот «смешным» способом решается задача фантастической емкости и сложности. Очень просто решается. Приятно, что все вышесказанное весьма легко проверить. Отследите любую включившуюся в вас программу: *лень, страх, искусственно вызванное сексуальное возбуждение, желание закурить, недовольство чем-либо, беспокойство, желание выпить, расслабиться у телевизора или съесть что-нибудь сладкое* – включите смех и *отслеживайте* изменение своих состояний.

Не надо слушать ничьих советов, не стоит верить никому и ничему, в том числе и этому тексту, – просто смейтесь и прислушивайтесь к себе, но будьте при этом честны. Не допускайте ни малейшего внутреннего насилия над собой – вы готовы принять *все*, любые ощущения, вы лишь честно отслеживаете: *что же у вас там внутри происходит?*

А там сплошной веселый звон – это «лопаются и бьются стеклянно-прозрачные», невидимые вами ранее программы. И вы обретаете все большую свободу в поступках, чувствах, поведении.

И с удивлением отмечаете, сколь многое, ранее казавшееся нормальным и единственно возможным, в действительности оказывается нелепой и коварной программой.

И уже с большим пониманием читаете у Оскара Уайльда: *«Ничто так не мешает роману, как чувство юмора у женщины и его отсутствие у мужчины»*.

И у Бернарда Шоу: *«Иногда надо рассмешить людей, чтобы отвлечь их от желания вас повесить»*.

И даже (кто бы мог подумать?) у Махатмы Ганди: *«Не будь у меня чувства юмора, я бы давно покончил с собой»*.

И уже лучше понимаете Вольтера, сказавшего: *«Что сделалось смешным, не может быть опасным»*.

И улыбаетесь вместе с Ежи Лецем: *«Максимальным чувством юмора обладают умершие: они смеются надо всем»*.

Эрик Берн в книге *«Люди, которые играют в игры»*, описывая типичный сценарий поведения мошенника, делает следующее замечание: *«Опытные мошенники опасаются людей, которые смеются, обнаружив, что их обманули»*. Почему? Потому что **смеющийся человек перестает быть жертвой. Во всем.** И это – главное.

Социум, в котором мы пребываем, уже давно перестал быть отражением нашей сути. Его интересуют лишь наши кукольные обличья. Он стал *матрицей*, тупо подгоняющей все свои элементы (то бишь нас) под некие усредненные, абсолютно нереальные и выгодные лишь одному ему стандарты.

Это своего рода Прокруст, пытающийся уложить в свою кровать-эталон достойного ее *«идеальных размеров»*. Но, увы, всех приходится *«немного подравнивать»* – кому ноги укоротить, а кого, напротив, растянуть почти вдвое.

Обратите внимание – любой тоталитарный режим серьезен. Любой: фашизм, социализм, религиозный фанатизм... При социализме была возможна лишь сатира, то есть высмеивание. При фашизме – и того меньше. Почему так?

Вернон Вульф, создатель Холодинамики, писал: *«Когда люди становятся серьезными, они отдаляются от целостной динамики, уходят в линейное (кукольное) мышление. Серьезность уже подразумевает готовность забыть (о цельности)»*.

Раджниш по этому поводу говорил: *«Серьезность – это просто болезнь души, и только больные душой могут обращаться в рабов»*.

Смех же по своей природе разрушителен и губителен для всего, что остановилось в своем движении, застыло в развитии. Смех – это сила обновления и движения.

Поэтому юмор и смех всегда активизируются и выходят на первый план в периоды социальных изменений, мощных внутренних общественных подвижек. Но смех всегда стихийен и, следовательно, малоуправляем. Социум в попытках самосохранения, понимая, что напрямую ему с этим качеством не справиться, поступает коварнее и хитрее – он огрубляет и опошляет смех, вновь низводя его до уровня примитивной и безопасной для него насмешки. Вот почему, кстати, такие качества, как пошлость и грубая безвкусица, столь же характерны для переходных периодов.

Вывод из всего вышесказанного прост: **смех есть созидание через разрушение грубых, разъединяющих оболочек ментала, «дробящих» целостный Мир на отдельные фрагменты. Созидание Целого через объединение его элементов, освобожденных от разрушительных программ.**

* * *

Умение с улыбкой воспринять себя и события, в которых вы участвуете, то есть сохранить чувство юмора в любой ситуации, возможно лишь при одном условии: способности увидеть «со стороны» как себя, так и все происходящее с вами.

В любых стрессовых, драматических ситуациях вам может помочь следующая, пока еще чисто логическая схема: данная ситуация смоделирована вами же, как *духовным существом*, еще до рождения, и испытание в виде некой проблемы, которое вы проходите сейчас, – *это ваш выбор*, сделанный еще до вашего «*воплощения*» и совершенно необходимый для дальнейшего духовного роста.

По условиям игры, которые вы приняли до воплощения в физическом теле, память об этом вами утрачена. И только поэтому все свои невзгоды и беды вы воспринимаете с недоумением и обидой, как незаслуженное наказание непонятно за что, иногда бунтуя и не соглашаясь с ними, а иногда покорно и обреченно «*влача свой жалкий жребий*», но и в том, и в другом случае не выполняя изначальной задачи, поставленной перед собой же.

А она очень проста и заключается лишь в необходимости восстановления утраченной *цельности* через согласие и принятие *любой* ситуации, через принятие абсолютно всех ощущений, сопутствующих этой ситуации.

Какое бы внешнее выражение ни имели события вокруг – *Хозяин всегда и в вас, и в вашем окружении Един*, а значит – вы непрерывно взаимодействуете лишь сами с собой, все вокруг – это и есть **вы**. Даже если в данный момент *вы*, но уже в чем-то внешне отличном от вас обличии, как-то и обижаете *себя же*. *Осознание этого приводит к ненужности дальнейшего испытания, и события гармонизируются.*

Но для подобного восприятия себя и ситуации, для того, чтобы ментальная логика сменилась вызывающими доверие ощущениями, совершенно необходим *некий внешний взгляд*, необходима *возможность наблюдения себя со стороны*. Для начала – хотя бы в стрессовых ситуациях. Но в идеале – непрерывно.

Такую возможность мы обретаем, вскрыв и использовав еще один, более тонкий и более тотальный способ внутреннего смеха.

Хочется сразу предупредить, что подходить к этому уровню смеха следует, лишь хорошо освоив и наработав *до естественности* предыдущие два. *В противном случае вы можете просто не ощутить ничего!* И вряд ли сумеете оценить то новое, что вам предлагается ввести в свое существование.

То, что вам будет предложено, внешне будет мало отличаться от предыдущих техник смеха. Но это лишь на первый взгляд. И истинную ценность вашего нового приобретения вы, возможно, сразу и не разглядите. Но это только поначалу.

Так, уже очень скоро вы отчетливо ощутите, как что-то в вас меняется качественно и тотально... Что вы – в чем-то и не вы уже, но становиться вновь беспомощным и от всего зависимым вы вряд ли теперь захотите.

Итак, вам предлагается новый уровень смеха, при котором вы смех как бы... *подселяете* к себе, предлагая ему теперь всегда быть на страже вашей целостности с собой и с Миром, причем не только напоминая о Хозяйском статусе, но более того – непрерывно вас в нем утверждая.

Вам предлагается стать смехом. Вам предлагается вспомнить свою изначальную Вселенскую Божественную гармонику, позабытую и утерянную некогда. *Вам предлагается ощутить себя первозданной вибрацией того самого слова, что было изначально...* Вам предлагается сейчас сделать первый смелый шаг к этому.

И этот шаг выглядит до смешного просто.

Технология «смеха третьим уровнем»

Перенесите свое внимание в область чуть выше головы, на расстояние примерно пятьдесят сантиметров над макушкой. Представьте в этом месте некий шар произвольного, но удобного для вас размера. «Присмотритесь» к нему внимательнее – да ведь это давнишний ваш знакомый, «улыбашка-Капитошка»! Помогите своим воображением, своим внутренним зрением сформировать его улыбающуюся рожицу.

Теперь мы предложим ему рассмеяться. Для вас, уже мастеров «Внутреннего смеха», это не составит никакого труда.

Помните свой *«внутренний смеховой камертон»*, помогавший включать смех в тонких оболочках? Сейчас таким камертоном станут каждые ваши вдох и выдох. Вы *представляете* и в какой-то момент ощущаете, что сам воздух, которым вы дышите, вибрирует в *«смеховой частоте»*, уже знакомой вам. То есть вы *«включаете смех»* в выдыхаемом воздухе (*равно как и во вдыхаемом*) так же, как некогда *«включали»* его в «тонких оболочках».

Далее, вдыхаемый *«смеющийся» воздух*, проходя через готового к смеху *«Капитошку»*, настраивает его на *«смеховую частоту»* и *«включает»* в нем смех. *«Капитошка»*, или **просто пространство над вашей головой** в виде некого шара, **смеется**. (Для тех, кто знаком с системой чакр, – это область верхней чакры, но знать об этом вовсе не обязательно.)

Теперь этот смех (назовем его очень условно *«Смехом третьим уровнем»*) вы поддерживаете *«настроенным на смех дыханием»*, как вдохом, так и выдохом.

Причем хочется обратить особое внимание вот на что – *амплитуда «смеховой вибрации» вдоха-выдоха очень-очень небольшая*. Это даже не физическая вибрация, а лишь некое *«представление о вибрации»*, и этого вполне достаточно, ведь это – камертон.

И завершающий, но очень важный штрих, без которого все вышеописанное теряет всякий смысл, – это **улыбка**. Но сейчас качество вашей улыбки существенно меняется – она становится **внутренней**. Теперь вам вовсе не обязательно улыбаться губами (однако не сбейтесь на крайность – это нисколько не возбраняется, если позволяют обстоятельства), теперь вы *видите себя улыбающимся*, вы *«внутренне улыбаетесь»*, и этого вполне достаточно. Но *«внутреннюю улыбку»* обязательно подчеркните *«улыбающимися глазами»* – это важное дополнение и всегда прекрасно выглядит внешне.

Именно *внутренняя улыбка, улыбка глазами* и ощущение смеющегося пространства над головой создают все то, что мы назвали **«Смехом третьим уровнем»**.

В дальнейшем же, по мере прораствания в вас этой техники, необходимость в удержании внимания на *«смеющемся воздухе»*, на *«вибрации смеха»* отпадет сама по себе. Оказываются, составляющие как нашей физики, так и тонкоматериальных тел *обладают своей памятью и даже сознанием* (ниже мы еще поговорим об этом) и, будучи настроены на определенные состояния, послушно их хранят и удерживают. В жизни, увы, это больше проявляется в негативных вариантах, когда в нас *«трепетно»* хранится память о болезни или боли.

К тотальному *«инфицированию смехом»* мы еще подойдем, а пока все же придется делать периодические напоминания своему хотите – *«Капитошке, хранителю смеха»*, хотите – просто *«центру смеха»*, в виде настройки *«смеющимся дыханием»*.

Что нового дает нам эта техника?

Прежде всего следует сказать, что каждый новый способ смеха ни в коем случае не отменяет предыдущие, уже освоенные вами. Они лишь дополняют друг друга, выводя смех на все более тонкие ощущения.

Напомним, смех *«первым уровнем»* прекрасно работает с психоэмоциональными состояниями, легко снимает как *«свежие»*, так и уже *«укоренившиеся»* записи, производит профилактическую расчистку и проявляет *«спящий»* негатив; смех *«вторым уровнем»*, то есть

тонкими оболочками, прицельно работает с негативными записями любого характера, позволяет производить целый ряд оздоровительных мероприятий, глубинно проникает на клеточный уровень.

Оба уровня смеха повышают жизненный тонус, меняя тем самым качество существования, позволяют легко входить в Хозяйское состояние, *а главное – объединяющим принципом, присущим смеху, возвращают ощущение утраченной цельности и делают мир дружелюбным, разряжая тем самым глубокие, кармические деформации.*

Новый уровень смеха, сохраняя все предыдущие положительные наработки, позволяет уже сейчас, не дожидаясь полной расчистки негативных записей (но планомерную работу в этом направлении, естественно, следует продолжать), нейтрализовать их влияние на вас в повседневности, обрести свободу в поступках и ясность видения ситуации.

Очень важно то, что при новом способе смеха именно в зону смеха смещается ваш как бы внешний «центр зрения», и «отстраненный» Хозяйский взгляд на себя и ситуацию возникает естественно и вроде бы сам по себе.

Практикуя «смех третьим уровнем», невозможно привязаться к чему-либо, «залипнуть» на события, человека или результат – именно в силу этого в нас сохраняется устойчивое и непрерывное Хозяйское состояние.

И все же главное, пожалуй, что через вибрацию смеха происходит включение в единое энергопространство Хозяина и подключение к Вселенскому, Божественному творческому потенциалу.

Теперь этот смех, звучащий в вас и вызываемый еще поначалу усилием воли, с каждым днем будет становиться все более автономным и независимым от вашего желания или нежелания смеяться.

В какой-то момент вы ощутите, что всегда можете его услышать, – достаточно лишь заглянуть в себя. **И наступит день, когда вы поймете, нет, скорее, осознаете некой глубокой убежденностью, что ничего нового в себе вы не создали. Вы лишь пробудили... даже не так – лишь позволили себе услышать ласковый смех заботливого отца или любящей матери, наблюдающих за играми несмышленного пока ребенка, смех, который звучал в вас изначально, но ведь вы все это время были столь серьезны и заняты...**

Вы никогда не наблюдали за игрой котенка, когда он «охотится» на бумажку или мчится сломя голову через всю комнату, спасаясь от воображаемого врага или пугаясь своей же тени? Правда – забавно и смешно? Помните, как благодушно вы посмеивались при этом?

А теперь вспомните – а ведь шерсть у несмышленища стояла дыбом... а зрачки были круглые от страха... а дыхание частое-частое от испуга... Для котенка-то, оказывается, все было взаправду...

Вам ничего это не напоминает? Ведь и мы вот так мчимся, бегаем, суетимся, спасаемся от чего-то, явно выдуманного и видимого лишь нам... *А там, в глубине нашего существа, непрестанно звучит мягкий, все понимающий смех нашего мудрого, космического Хозяйского существа.*

Станислав Гроф, глубоко исследовавший внутренние пространства человека и духовные контакты с высшими сущностями, происходившие в особых *холотропных* состояниях, говорит: *«Есть еще одно свойство, которое упоминается постоянно, – это утонченное ощущение некоего Космического юмора».*

О том же говорит Шри Ауробиндо, в присущей ему поэтической манере описывая Хозяина (напомним, именно им введен этот термин):

Спокойное, глубокое море,
оно смеется в бегущих волнах:
Всеобщее – оно есть все,

трансцендентное – ничто.

И опять Раджниш: «... *Через смех вы можете достичь Бога... Смех – это мост к нему... Смеясь, вы придете к тому, кто научил вас смеяться*».

Сейчас мы смело можем сказать: вы теперь имеете реальную возможность услышать этот смех, просто воссоздав в себе его модель.

Осознавая нескончаемый смех, звучащий в вас, постепенно становясь им (об этом чуть ниже), вы практически встаете на одну ступень со своим Хозяином и столь же по-хозяйски можете теперь обозреть все происходящее в вашей «личной Вселенной». И смеем вас уверить, что и этот взгляд, и те ощущения, что вы испытаете, будут в корне отличаться от всего привычного вам.

Все, ранее казавшееся сложным, теперь оказывается смехотворно простым, любая проблема тает, как сгусток бесплотного тумана, пугавшего вас только своими грозными очертаниями, смертельная опасность превращается в достаточно искусственное кукольное действие, в которое вы, как его автор-создатель, теперь можете внести любые правки; личная драма, увиденная под иным, Хозяйским углом зрения, воспринимается на уровне элементарных «мыльных страстей». Многое из казавшегося раньше важным и жизненно необходимым вдруг делается достаточно искусственным и неактуальным.

А то, что для Хозяина действительно является единственно важным и имеющим смысл, неожиданно связывается с очень простыми вещами – **жить, не отрицая в своем существовании ничего**, полностью принимая и себя, и свое окружение и ощущая поток непрерывной радости от этого.

* * *

Сейчас очень хочется обратить ваше внимание на один, чрезвычайно важный аспект смеха вообще – и «*Внутреннего смеха третьим уровнем*» особенно.

Мы уже говорили, что именно при смехе в одном из отделов нашего мозга – в *гипоталамусе* – происходит интенсивное образование целой группы особых веществ под общим названием *эндорфины*. Это своеобразный внутренний и абсолютно естественный для человека наркотик.

При детальном исследовании этих веществ обнаруживается целый ряд удивительных свойств. Оказывается, эндорфины, относящиеся к группе *нейропептидов*, обладают двойственной природой. Иногда они проявляют в себе качества, присущие *гормонам*, и воздействуют через *гипофиз* на функционирование всего организма в целом, но иногда они ведут себя как *нейропередатчики*, воздействуя уже непосредственно на нейроны мозга, влияя на его функционирование и вызывая в нем весьма характерные изменения.

При этом выясняется, что достаточно длительное воздействие эндорфинов на мозг, а тем паче – *постоянное*, как в предлагаемом варианте «Внутреннего смеха», провоцирует создание новых нейронных связей, образование своеобразных нейронных «дорожек» и «сетей», формирование новых рефлексов.

Это позволяет совершенно по-особому воспринимать действительность и пробуждает сверхсознательные контуры нашего сознания. Обычно нечто подобное происходит лишь в результате глубоких и длительных медитационных практик или при неоднократном приеме больших доз психоделиков. Но сейчас у нас появилась реальная возможность *естественного* выхода за пределы привычного существования, за границы пресловутого «Описания Мира», в новый *тоннель реальности*, с более свободным и интенсивным существованием.

Практически речь сейчас идет о рождении, о создании, причем абсолютно естественным, природным образом, совершенно нового человеческого вида с необычными качествами и характеристиками.

Причем такая трансформация предполагается достаточно плавной и постепенной, без резких и болезненных «апокалиптических» подвижек.

Пусть вас не удивляет такой неожиданный и смелый переход темы на уровни и масштабы гораздо более глобальные, чем рассматривавшиеся до сих пор «прикладные» аспекты смеха.

Во-первых, это неизбежно, ибо вся логика нашего исследования говорит об очень важной роли смеха на дальнейшем витке духовной эволюции человека («... *Серьезность – это болезнь... смех так же свят, как и молитва... смех, юмор – краеугольный камень религии будущего*» (Раджниши)); во-вторых, мы сейчас описываем лишь перспективы и возможности (хоть и очень близкие – особенно для вас) и не предлагаем немедленно провозглашать себя представителями нового человеческого вида «*Хомо хихикус*» (для этого еще придется немного посмеяться); а в-третьих, это еще далеко не все из того, что мы можем на сегодня рассказать о смехе и о вас самих, а точнее – о ваших возможностях в рамках «Внутреннего смеха».

Вы, наверное, уже забыли, что мы обещали не просто научить вас смеху новым способом, но и помочь *стать смехом*, ощутить себя той изначальной вибрацией, что некогда создала наш Мир.

Вы полагали, что мы просто шутили, «художественно преувеличивали»?

Даже не надейтесь.

Но для того чтобы подойти к этому вплотную, нам потребуется сделать некоторое не очень короткое и весьма емкое отступление.

* * *

Для более полной иллюстрации темы, от которой мы хотим оттолкнуться и которой мы попробуем дать логическое развитие, обратимся к работам Сатпрема, Шри Ауробиндо и Матери (сподвижницы Ауробиндо). Далее следуют цитаты из этих работ с некоторыми нашими комментариями.

«Физический ум является преградой (для трансформации). И в то же время он является выходом на еще более радикальное открытие, выходом на еще более глубокий слой клеточного ума (все выделения в тексте наши. – Г. К.), обладающего властью уничтожить не только нашу привычку к несчастьям, но уничтожить любые присущие виду привычки и в конце концов – старую привычку умирать».

«...Разум клеток... очень похож на физический разум своей неистощимой способностью повторять все тот же старый мотив... он находится повсюду в теле, подобный миллионам маленьких голосов, которые можно легко услышать, когда очищены ментальные слои. Он беспрестанно ворошит все наши чувственные ощущения: достаточно, чтобы группа клеток была однажды поражена страхом, ударом или болезнью, как они бесконечно начинают воспроизводить этот страх и стремление к беспорядку, „вспоминать“ о болезни. Это – стадный, абсурдный разум (древний)».

«...Своей дисгармонией этот страх рано или поздно призовет бессознание смерти».

«...Но вся его нелепая механичность, абсурдный автоматизм могут служить истине так же, как и лжи».

«Если он хоть раз настроен на вибрацию света (прочтите – смеха; в течение цитирования мы будем делать такие поясняющие наш подход врезки, объясним же их чуть позже), то он будет повторять ее с упрямством мула... будет повторять ее день и ночь, непрерывно...»

«...Отсюда – его огромное значение для трансформации, он может стать исключительным средством для закрепления супраментальной (сверхсознательной) вибрации в теле» (смех может являться такой вибрацией).

«Каждая вещь, живая или нет, несет свои собственные, особые вибрации: скала, огонь, вирус, вода».

«...Существуют другие вибрации, обладающие властью вызывать высшие состояния сознания...»

«...Свой звук присущ любви, возможен даже определенный звук Вселенной... Их мантра (здесь – вибрация) способна воссоздать определенные состояния сознания...»

«...Мать (так же, как и Шри Ауробиндо) ясно видела в клеточной субстанции способность к повторению, и она пришла к выводу, что, если бы удалось заменить установившийся определенный вид вибрации в материи, скажем, (ввести) вибрацию радости, света, открытую подобно любви, вместо обычной эгоцентричной, пессимистичной и смертельной вибрации, тогда, вероятно, человек мог бы дать этой субстанции клеток новый принцип связи, основанный не на привычках, но на божественном.

Вместо того чтобы ткать саван смерти, клетками... будет соткана вечная жизнь...»

«...Вибрации распространяются. Все дело в том, что они заразительны. Духовные вибрации... ментальные... витальные вибрации так же заразительны...»

«Материя – то место, где заражение происходит моментально... происходит немедленное распространение».

«Я заметила, что мантра (вибрация, и можно уже смело добавлять – вибрация смеха) обладает организующим воздействием на подсознание, бессознательное, на материю, на клетки...»

«Мантра (вибрация смеха), повторяемая клетками, уничтожает привычку».

«...Удивительно, но (эта) вибрация обладает связующим воздействием: **вся клеточная жизнь становится цельной массой с единственной вибрацией!**»

«Вместо обычного для тела множества вибраций здесь лишь одна-единственная вибрация».

Несомненно, вы уже догадываетесь, о чем идет речь. Шри Ауробиндо и Мать затеяли грандиозный эксперимент, подчинив ему всю свою жизнь. Их задачей было превратить животный, примитивный разум клеток в разум сверхсознательный, сделав тем самым *осознанным все физическое тело человека*, все его существо.

Клетки с записанной в них программой тупо заставляют нас болеть и умирать. Ауробиндо и Мать хотели, дав им разумность, достичь бессмертия человека, но не в абстрактном загробном мире, а в *физическом человеческом теле*.

То есть они хотели осознать в себе Хозяина не только трансформированным сверхсознательным менталом, но каждой своей клеточкой.

Потрясающая и удивительная задача! До сих пор это не удавалось никому. Многим посчастливилось вспомнить себя Хозяйскими существами, но еще никому не удавалось это осознание распространить на все составляющие человека, а особенно – на его физику.

Ауробиндо и Мать смело взялись за эту задачу... Но они не работали со смехом, и им было предельно, непередаваемо сложно быть первопроходцами.

«Величайшая проблема состоит в том, что телесная ткань соткана из невежества, и потому каждый раз, когда сила, свет, могущество стремятся как-то проникнуть, это невежество должно быть удалено в первую очередь... Изначальная реакция неизменно является отрицанием. Тогда как будь здесь всегда улыбка в ответ, боль исчезла бы почти мгновенно».

Они были уже близки, они чувствовали, догадывались, но преодолеть эту грань понимания отчего-то не смогли...

«Когда через несколько часов боль возвращается, то сами клетки призывают это (улыбку, ощущение радости, а нам так и хочется добавить – смех), потому что помнят... Они выходят из своей гипнотической инертности. Освобожденная от привычных оболочек, суть клеток начинает открывать свою истинную природу».

«...Вибрация боли – вибрация лжи, так как во всем мире есть лишь одна вибрация – божественной радости. Бог есть Радость».

Мы это называем смехом. Смех есть Единство. Смех есть Любовь. Смех есть Бог.

Как близки наши пути... Насколько един источник, питающий нас... И насколько проще и радостнее дорога, уже обозначенная и проложенная этими Великими Людьми.

«...Задача ищущего – не столько бороться с так называемыми дурными вибрациями, сколько хранить в себе истинную вибрацию... хранить божественную радость в теле, ибо она лечит и приводит в согласие все ложные и жалкие вибрации обманутых клеток».

У них не было нашего понимания смеха, наших техник, но ведь именно об этой вибрации смеха все их слова, именно с этой Божественной вибрацией радости они связывали все свои планы и надежды.

«Смерть является децентрализацией сознания, содержащегося в клетках тела... Пока сила концентрации преобладает, тело не может умереть... По-настоящему первым шагом к бессмертию будет, следовательно, замена этой механической концентрации на сознательную...»

Смеющаяся клетка, осознавшая себя Хозяином, подчиняется лишь сама себе. Ей плевать на программы, призывающие ее разрушаться, – вот секрет механизма бессмертия.

Внимательно вчитайтесь в следующие слова и вспомните свой, пока еще небольшой, но у многих уже весьма действенный опыт, ведь многие уже слышали в себе этот детский хор смеющихся клеток:

«Сознание клеток овладевает мантрой (смехом!) и в конце концов повторяет ее автоматически и с таким упорством! Я слышала, как клетки повторяют свою мантру! (смех!) Это напомнило хор... Напоминало бесчисленные крошечные голоски, снова и снова повторяющие тот же звук. Они звенели, как песнопение, исполняемое многими хорами детей, – крошечными голосками... Я была поражена...»

Мы на верном пути, друзья. Давайте не будем заглядывать очень далеко, но – путь уже проложен, направление уже обозначено вехами, и на каждом шагу мы получаем подтверждение истинности нашего движения.

У нас есть «Внутренний смех», мы не знаем, откуда он пришел, кем он был нам дан, наверное, Временем и, наверное, вовремя, каждый сейчас имеет реальный шанс значительно приподняться над собой и сделать первый шаг навстречу Смеющемуся Хозяину.

Давайте закончим эту тему опять же цитатой из Шри Ауробиндо, и поверьте – это о нас с вами, это о каждом:

«...Среди нас должна родиться некая особая раса, совершенный Человек, если только мы дадим на это свое согласие.

...Тогда мы будем обладать радостью этих двух миров, а впрочем, и всех миров, как если бы они были едины... Ибо такова конечная цель нашей эволюции – радость. Эту радость подделать не может никто, потому что она – ребенок, смеющийся на солнце...

...Радость, а не крест должна быть целью, устремленной к победе человеческой души, – но люди до сих пор влюблены в печаль... Поэтому Христос до сих пор распят на кресте в Иерусалиме.

...Но эволюция выйдет из Ночи и вступит в Солнечный цикл... Распятый Бог в нас сойдет со своего креста (освобожденный нашим смехом), и человек станет наконец Самим Собой – станет нормальным.

Ведь быть нормальным – значит быть божественным...»

И Сатпрем: «...*Замещение вибраций. Чудо Земли, встающее на место земной лжи. Апокалипсис, да, апокалипсис с улыбкой.*

Губительный для мертвецов и светлый для вечно живых. Волшебная сказка в клетках Земли».

* * *

Коротко прокомментируем вышеизложенное.

Несовершенство, ущербность и обреченность человека в этом мире определены несоответствием между его древними, а по сути – животными, клеточными программами и программами социальными, ментальными. К тому же каждая из этих программ работает в режиме присущей лишь ей вибрации, буквально *заражая* ею определенные группы клеток. Поэтому общая вибрация всех клеток достаточно хаотична. Вдобавок к этому, человек, утерявший единство с внешним миром, превращается в закрытую, замкнутую на себя систему, в которой теперь неизбежно будет нарастать хаос. Хаос приводит к смерти.

Клетки разумны, разум их примитивен. Дружественность разума клеток определяется степенью соответствия вибраций, доминирующих в них, частотным характеристикам человеческого сознания. И пока в нашем сознании доминируют хаотические вибрации ментала – взаимодействие между ними невозможно. Поэтому совершенно необходимо создание некой третьей организующей силы – сверхсознательной.

Сверхсознанию присущи частота любви и радости. Смеху – тоже. Это и есть доминирующая, более того – изначальная, а следовательно – неизменно гармоничная вибрация пространства нашего существования, призванная объединить в нас два разума – клеточный и ментальный, и создать разум новый, интегральный, Хозяинский.

Если человек сонастроен с этой изначальной вибрацией не только на уровне сознания, но и на уровне физического тела, на уровне клеток, то между этими системами (Человек – Вселенная) неизбежно возникает резонанс.

И теперь вибрация, определяющая жизнь человека, *становится мощной и незатухающей, по сути – бессмертной*, так как непрерывно поддерживается энергией самой Вселенной.

Вибрации «заразительны». Определенная вибрация, достаточно долго удерживаемая на уровне клеток, «заражает» пространство вокруг себя. Клетки начинают работать, «вибрировать» на одной общей частоте.

Если такой доминирующей частотой сделать смех, то вибрация смеха через некоторое время станет единственно существующей в человеке.

Такой человек становится центром гармонизации, обретает реальную возможность бессмертия и возвращается к своему божественному природному истоку, сам становясь вибрацией смеха, становясь самим смехом.

Центром «заражения» вибрацией смеха вам предлагается сделать верхнюю чакру – надмакушечное пространство. Почему именно такой выбор – об этом ниже.

Также предлагается все вышеизложенное ни в коем случае *целью не делать и к этому не стремиться*. Просто продолжайте жить, радуясь жизни и радуясь себе, жить, смеясь и наслаждаясь каждой минутой.

А неминуемое вас не минует...

* * *

Описывая перспективы «Внутреннего смеха», мы считаем себя просто обязанными коснуться, пусть вскользь и бегло, темы, в рамках которой возможно более полное осознание механизмов гармонизирующего воздействия смеха на окружающее пространство.

Подробнее этот вопрос мы будем рассматривать на втором уровне школы. Поэтому сейчас постараемся выстроить наше изложение в достаточно лаконичной, а местами – даже в тезисной форме.

Вы уже знаете и на этом этапе нашего пути, скорее всего, согласны с положением, что мир, нас окружающий, мы выстраиваем сами, в соответствии со своим внутренним качеством.

Этим достаточно общим утверждением мы до сих пор и ограничивались, но сейчас у нас есть возможность исследовать его глубже.

В нашем мире такое качество, как форма, всегда определяет окружающее пространство, влияет на него и его выстраивает.

Достаточно на некой плоскости просто нарисовать угол, как это немедленно отразится на характеристиках пространства, этот угол окружающего: справа и слева от него оно станет неоднородным и даже в чем-то противоположным по качеству.

Если подобный угол будет сформирован уже в трехмерности некими реальными плоскостями, то его влияние на пространство станет гораздо более интенсивным и заметным.

Этот эффект хорошо известен магам и народным целителям – целый ряд ритуалов у них совершается с острыми предметами (шпаги, ножи, иголки); биоэнерготехнологам и специалистам по фэн-шуй – ими всегда учитывается влияние углов зданий, комнат, даже письменного стола на пространство; в быту также существует ряд примет и рекомендаций, выполняемых нами без осознания механизмов, в них отраженных, но подтверждающих указанный эффект, например: веник надо ставить всегда ручкой вниз, кактусы «съедают» излучение компьютеров, нож принято передавать острием к себе и пр.

Наиболее характерна в этом отношении пространственная структура в виде пирамиды, – не случайно они так часто встречаются в истории человечества. Это вообще удивительное образование, особенно если взглянуть на нее «новым» и свободным от расхожих стереотипов взглядом.

Прежде всего, пирамида как пространственная структура «исходит», можно даже сказать – «рождается», из точки – своей вершины. То есть вся пирамида, весь ее объем рожден из ничего, так как точка – суть ничто. Чем не модель Вселенной?

Но пирамида статична, и для того, чтобы поверить в сказанное, нам для убедительности как бы не хватает «подтверждения движением» – вот если бы мы видели, как она «лезет из точки», появляясь «сама из себя», вот тогда... Чушь, не правда ли?

Да вот и не совсем. Оказывается, и увидеть это возможно, и даже приборами зарегистрировать.

Из вершины пирамиды, правда, «лезет» не сама пирамида, а пространство, ею организованное, «созданное». Впрочем, можно и без кавычек. Любая пирамида действительно работает как генератор пространства.

– Стоп, стоп, – возможно, уже сейчас скажете вы, – ну а при чем же здесь мы – волшебники, и какое отношение все это имеет к нашему «Внутреннему смеху»?

Оказывается, самое прямое. Но давайте все же будем последовательными.

И перед тем как перейти к вам конкретно, отметим, что пирамида генерирует не любое пространство, а лишь строго определенное и заданное ее параметрами. То есть если соотношения размеров пирамиды гармоничны, то пространство вокруг нее обязательно гармонизируется, даже если до этого оно было аномально.

Что значит «гармоничные соотношения размеров»? Это означает, что они отражают параметры некоего «изначального пространства», некой «матрицы», заложенной в основу энергоструктур нашего Мира.

Не вдаваясь в подробные объяснения, очень коротко определим:

- истинная мерность нашего пространства дробна, мы живем не в трехмерном пространстве, а в «пи-мерном», то есть его правильная мерность соответствует числу π , а именно – 3,14...;
- следовательно, определяющая вибрация нашего мира также соответствует числу π ;
- отсюда изначальная вибрация, создавшая наш Мир, то самое «слово Божье» должно также соответствовать частоте вибрации числа π ;
- пресловутое *золотое сечение*, лежащее в основе всех пропорций нашего мира, глубинно связано с числом π , то есть в своей основе они едины.

А уж с *золотым сечением* мы сталкиваемся на каждом шагу, чего бы ни коснулись: форма снежинок, расположение иголок на кактусе, спирали панцирей моллюсков, расположение косточек в яблоке, наконец, параметры человеческого тела – повсюду в живой Природе мы находим «золотое соотношение» размеров и параметров.

Если эти две гармоник (золотое сечение и число π) заложены в размерах пирамиды, то она непременно будет создавать, генерировать вокруг себя столь же гармоничное пространство.

Широко известные пирамиды Александра Голода, успешно работающие в самых различных местах, в том числе и в окрестностях Москвы, используют именно этот принцип, хоть похоже, что до конца он даже их создателем не понят. Тем не менее реальность воздействия этих пирамид на окружающее пространство не вызывает сомнений ни у кого, даже у скептиков: затягиваются озоновые дыры над огромными территориями, значительно повышается всхожесть семян, выдержанных внутри пирамиды, меняются физические свойства воды после «пирамидного облучения».

Но все же – при чем же здесь мы и смех?

Дело в том, что человек в своей энергетической основе также представляет собой пирамиду. Точнее, это несколько более сложное образование, состоящее как бы из двух тетраэдров (тетраэдр – правильная трехгранная пирамида), – это та самая знаменитая «меркаба», являющаяся, по сути, всего лишь трехмерным выражением единства двух начал – мужского и женского (ян и инь).

То есть, оказывается, сам человек столь же успешно и в соответствии с теми же принципами организует, генерирует и создает пространство вокруг себя. Вот чем, в частности, проявлен механизм его творения! И пространство вокруг себя он организует исключительно в соответствии со своим внутренним качеством. Естественно, что у такой сложной системы, как человек, оно определяется не одними лишь линейными размерами и конфигурацией его тела. Речь идет о качестве его энергоструктуры.

У пирамид Голода «излучение нового пространства» происходит через верхнюю точку пирамиды. Выброс некоего «ионного столба» над пирамидой, как сопутствующий этому процессу эффект, регистрируют даже самолетные радары на высоте нескольких километров.

У нас эта точка соответствует верхней чакре, «надмакушечному» пространству, *зоне смеха третьим уровнем*.

Но чем же, собственно, определяется гармонизирующее воздействие смеха на пространство, как ему удастся сбалансировать энергоструктуру человека, где сокрыто в нем универсальное *золотое сечение*?

Мы уже говорили, что смех обычно возникает при столкновении двух разнонаправленных программ. Он как бы «живет» в *зоне* взаиморазрушения их противоположностей, а значит – в точке неизбежного возникновения нового качества. Параметры такой зоны смеха, ее энер-

гетическая конфигурация всегда будут соответствовать параметрам золотого сечения. Почему именно – об этом мы поговорим на следующем занятии.

Выходит, что наша «зона смеха третьим уровнем» – это своего рода «фильтр», матрица, гармонизирующая создаваемое нами пространство, которое как бы «проходит» через нее.

Александр Голод создает свои пирамиды и расставляет их по всем просторам и весям для «оздоровления» нашего больного пространства. Возможно, что это и неплохо. Но не правильнее и не естественней было бы такую «пирамиду» каждому создать из себя, осуществив ее «настройку» через «Внутренний смех»?

Определенное число людей, практикующих «Внутренний смех», способно сгармонизировать энергопространство планеты... Вспомним Сатпрема: *«Апокалипсис с улыбкой...»*

Человек же, ставший «смехом», включивший каждую свою клетку в вибрацию, соответствующую гармоникам нашего пространства, сам становится вибрацией изначальной, некогда создавшей наш мир, становится словом Божьим, смехом его, улыбкой Вселенной...

Рекомендации по созданию состояния

1. Выполняйте технику «Смеха третьим уровнем» в течение дня максимально часто, следуя уже известному вам принципу: «вспомнили – сделали». Убедитесь, что не существует ситуаций, когда нельзя было бы взглянуть на себя и на обстоятельства отстраненно и с улыбкой.

Позвольте этой технике со временем *прорасти* сквозь вас, позвольте ей *перестать быть техникой* и стать вашим естественным и постоянным состоянием.

В тот момент, когда вы услышите внутри себя ответный смех Хозяина, когда вы уже не сможете отличить его смех от своего, когда они станут одним, *подтверждая вас Хозяином*, – вы обретете истинную свободу, и в мире не найдется ничего, что смогло бы вас ее лишить.

2. Пусть пространство «смеха третьим уровнем» станет для вас неким «очагом *заражения*» смехом. Вам для этого не нужно делать ничего специально.

Лишь вначале удерживайте внимание в зоне смеха неким волевым усилием, а затем просто *позвольте* ему там происходить, *представляя, как все большие участки вашего как физического, так и тонких тел включаются в «смеховое действие»*.

Визуализируйте свои клетки, поначалу *предлагая* им смеяться и помогая им *встроиться* в смех, *а затем уже просто наблюдая их смеющимися, ощущая это и, быть может, даже слыша*.

Взращивайте в себе смех, не стремясь к каким-либо конкретным результатам, а *просто получая радость от дарованной вам свободы в мыслях, поступках, ощущениях*.

Состояние восьмое, немного беременное

Шелестяще заворочавшись в ворохе накиданной сверху листвы, Петя потянулся и звеняще зевнул во весь рот. Листья осыпались, подпуская к телу утреннюю прохладу и росяную сырость.

– Сегодня первый день моей оставшейся жизни, – вслух подумал он и рывком поднялся, решительно входя в утро.

Утро было ранним, все в зыбком низком тумане и пении перекликающихся птиц.

Широко раскинув руки и стоя напротив едва проклюнувшегося в золотом разливе солнца, Петя пробуждал внутренним смехом свое не до конца еще проснувшееся тело.

Насмеявшись до «не хочу» и свежо вздохнув напоследок, он наклонился к ручью и прильнул губами и лбом к журчащей влаге...

Утерся, выпрямившись, и улыбнулся – день начался.

Это был уже третий день бесплодных покуда блужданий Пети в поисках заказа Змея Горыныча или хотя бы подсказки насчет оного.

Былой энтузиазм его понемногу угасал. Ничего ни вокруг, ни внутри не сулило даже намека, Мяв не подавал признаков жизни, и мало-помалу в душу к Пете заползала тоска черная.

Утренняя бодрость и радость пробудившемуся дню постепенно таяли вместе с призрачным туманом, обнажая мысли темные, да унылые...

– Ничто так не мешает радоваться жизни, – бормотал он, бредя по опушке и дожевывая утреннюю краюху хлеба, – как сама жизнь.

Ведь понимаю все, – удивлялся себе же Петя, – а никак с собой не совладать. Понимаю, что есть в моей жизни смысл, но чувю, что – чужой, вместо Хозяина подселенный. Кто же и когда мне радость такую беспросветную подарил?..

Медленно, неспешно прорастает во мне знание новое, Хозяйское, – сокрушался он, сквозь кусты пробираясь, – какая-то вялотекущая беременность, да и только. Страх непрерывно растет, что не справляюсь... Уж и смеяться над ним устал...

– ...Если хочешь убежать от внутреннего страха, – неожиданно услышал Петя знакомый урчащий голос, – обучись внутреннему бегу...

Над тропинкой прямо перед ним нарисовалась рыжая улыбка Мява.

– А если судьба подложила тебе свинью, – продолжал урчаще Мяв, – то присмотрись к ней получше: может, это всего лишь зародыш твоей птицы Счастья?

– Эх, Мяв, – Петя даже обрадоваться коту как следует не смог, – уже третий день, поди, извилины напрягаю. А придумать ничего не получается. Голова скоро от дум тех потрескается...

– Если голова болит, значит, она есть, – успокаивал его Мяв, – это уже неплохо. Теперь бы ею как следует распорядиться...

– Вот именно – как?! – дал волю чувствам Петя.

Улыбка Мява расплылась еще шире. Кот явно и от души забавлялся.

– А ты посвяти своим проблемам полчаса ежедневно, – посоветовал он, – и используй это время, чтобы вздремнуть, – и захихикал.

– Смеешься... – обиделся Петя, насупившись.

– Помогаю, – мелко, по-кошачьи вздохнул Мяв. – Жизнь, Петя, отвратительна, когда о ней много думаешь, и прекрасна, когда просто живешь.

И растаял.

– Вот так всегда!.. – аж крикнул с досады Петя. – Нет, чтоб по-человечески, по-понятному... Так нет, все с подковыркой какой-то кошачьей, все загадки загадывает...

Он продолжил свой бесцельный путь по влажной и росистой траве, вслух негодуя и обижаясь на Мява. Шел так Петя какое-то время, пока вдруг не заметил, что, идя по тропинке и бранясь, он в то же время как бы со стороны на себя самого смотрит да усмехается тому, что видит. Даже смешок этот услышал – кошачий такой, как у Мява.

Петя даже остановился, прислушиваясь... Но вместо смеха услышал вдруг плач чей-то, из-за кустов доносящийся. Тонкий он был и пронзительный – не человеческий явно, но будто о помощи зовущий. Недолго думая, туда кинулся, ступая, впрочем, осторожно и неслышно.

За кустарником в междускалье, как в западне, сидела серая зайчиха, испуганно прижав уши. Напротив нее, изготовившись к прыжку, собралась тугим клубком рыжая лисица.

Не медля ни секунды, хватанул Петя рукой сильной, рыбацкой лису за шкуру, в воздух вскинул. Второй – зайчиху осторожно с земли взял, к себе прижал, успокоить чтоб.

Теперь уже лиса издавала вопли плачущие да испуганные. Изворачивалась вся, пытаюсь зубами острыми достать... Да не тут-то было – крепко и ловко Петя ее держал.

– Спасибо тебе, Петя, – сказала вдруг зайчиха голосом человеческим, – спас ты не только меня, но и моих детушек. Пропали б они без меня...

Удивился тут Петя, да не столько тому, что зайцы говорят, – в сказке все же живет, – сколько тому, что по имени его кличут. Хотел уже спросить, откуда слава о нем такая, как вдруг слышит:

– А меня?.. А моих детушек кто помилует? – подала голос и лисица. Она перестала вырываться и печально смотрела Пете в глаза. – Неужто выживут они без меня? Чем же зайчата лучше лисят?.. А, Петя? Рассуди...

Держал Петя в одной руке лису хищную и хитрую, а в другой – зайчиху беззащитную длинноухую, и как на весах их взвешивал. Будто ценность одной жизни с другой соразмерял...

И тут сумятица мыслей и терзаний дней последних, словно огнем вспыхнув, в стройный ряд выстроилась...

...Но додумать он того не успел. Что-то громадное и сильное, зацепив его за шиворот, грубо дернуло. Выпали из рук его зайчиха с лисою, метнувшись сразу в разные стороны... А голова с такою силой вниз мотнулась, что в затылке что-то хрустнуло, и в глазах потемнело...

* * *

Висел Петя, пришпиленный за шиворот к стенке пещеры, беспомощно ногами и руками болтая, почти как лиса, давеча им плененная, и интересные мысли бродили в голове его...

Неподалеку суетился великан, его сграбаставший. Он уже вздул костер и сейчас прилаживал над ним большущий котел. Таких, как Петя, там бы вместились с пяток.

Закончив, он подошел и как-то обыденно, без злобы да суеты лишней начал ощупывать пленника.

– Не подарок, конечно, – бормотал под нос, – но ничего, мяско имеется... навар будет...

А то намедни, – пожаловался Пете, – бродягу одного тощего в суп вариться бросил. Так он, стервец, покудова вода закипала, картошку всю в котле сожрал да деру дал, только его и видел...

Он вышел из пещеры, и по донесшимся через минуту звукам стало понятно, что людоед точит нож.

Как ни странно, но ни тревоги, ни тем более страха Петя не испытывал. Он висел и слушал, как печально, словно падающие осенние листья, шуршат тараканы, густо бегая по стенам и полу пещеры. Поживиться им было чем: то тут, то там валялись остатки предыдущей трапезы людоедовой.

Мысли неспешно текли в Петиней голове. У него было какое-то светлое ощущение, будто понято им недавно то, что делает разрешимой любую проблему, что делает смешною любую опасность, включая и нынешнюю.

Пока висел Петя на стене в ожидании великана-людоеда, времени у него было предостаточно, чтобы вспомнить свое открытие умственное и сделать из него следствия нужные.

А мыслил он так, вспоминая свои нынешние мытарства.

– Мир Хозяин мой, то бишь – сам я, как Хозяин, цельным создал? Цельным. Так откуда же в нем понятия разные, крайние да друг дружку исключают? Откуда в нем и радость есть, и горе? Если, скажем, радостен я был, творя, – откуда горе в нем? Или, напротив, если горек был ум мой в творении – откель же радость в мире взялась?

Ежели есть в мире этом смерть, – удивлялся дальше Петя, – то как могла в нем жизнь прижиться? Как день и ночь могли быть сотворены одним Творцом? Мягкое и твердое? Мужчина и женщина?

Это что же – два Творца было? Плохой – «черный» и добрый – «светлый»? – думал Петя. – Так нет ведь – один был...

Значит, только одно случиться могло, – понял он наконец, – парами это все в мир явилось, вначале одним целым, а потом уже и половинками стало...

Пришла ночь в мир энтот, в обнимку со светом дневным, – радовался Петя, на крюке вися да руками-ногами дрыгая. – А зло – с добром. А горе – с радостью единым пришло...

Значит, все так – парами в мире и пребывает, – удивлялся сам себе Петя. – Пока Солнце на небе – Луна прячется. А как месяц выйдет – так Солнышко схоронится.

Ежели есть во мне радость снаружи – горе вдогонку идет, внутри пока скрываясь, – думал Петя дальше. – А коли есть проблема снаружи, то внутри что? – да решение ее же!.. Ты ж смотри, сызначала оно во мне есть, решение-то, а за проблемой и не видать его...

Это что ж такое выходит, – озаботился Петя выводам своим, на крюке ворочаясь, – коль внутри себя на доброе я западу, к хорошему привяжусь – то наружу что-то злое и нехорошее выволоку?.. Как же так? Что же мне, к злему, что ль, прилипнуть, чтобы доброе наружу вылезло? Бред какой-то...

А может, вообще прилипнуть ни к чему не следует?.. А зачем? А какая для Хозяина разница, с чем играть? Зря што ли он в парах все в мир явил? – делал открытия свои Петя дальше. – Чем Луна Солнца хужей? А ночь – дня? А баба – мужика? А слезы – смеха? Чем хужей? Иногда и поплакать – в сладость...

Да принимать же все надо – на то она и цельность, – радовался открытиям своим Петя, – ***а к чему прилипнешь, привяжешься – то и потеряешь, так как противная часть враз наружу вылазит. Цельность – то и значит:*** что белое, что черное – все едино.

Потому и брожу эти дни все без толку, – понял наконец Петя, – ***так как привязался к решению проблемы своей, а наружу, значит, другая часть лезет – сама проблема.***

Смешно, – даже растерялся Петя, – ***значит, не решать проблему надо, а лишь отвязаться от нее... не прилипнуть к решению ее – она и решится...*** Во как...

Потому лиса и плакала, – вспомнил. – Пытаясь спасти зайчат – лисят обездолю, спасу от голоду лисят – зайчатам худо... А как надобно было?.. А не думая, не выбирая... Потому мне там, промеж них, и делать нечего было... Шибко умен человек – выбирает постоянно... А это – дело звериное, стихийное...

А как же добиться стихийности этой, единение не нарушающей, безвыборности?.. – спросил да себя же по лбу и хлопнул. – Да Хозяйское же состояние это!.. А я, бродя-ходя да задачу Горыныча думаячи, все реже в нем бывал, вот потому на крюк, как окорок, и попал...

Раздалось шарканье ног, говор, и в пещеру вошли уже двое великанов, похожих друг на друга как две капли воды.

– Вот он, – ткнул пальцем в Петю тот, что был погрязнее и понеряшливее. Сейчас его лицо, в сравнении со вторым, казалось более глупым и примитивным. – С утра здесь висит, – хихикнул он и громко икнул.

Второй великан хоть и был похож на первого, но сквозила в его чертах какая-то большая развитость, что ли, интеллигентность даже...

– С кем только не поведешься, чтоб хоть чего-нибудь набраться... – вздохнул великан-интеллигент, внимательно рассматривая Петю.

Первый хохотнул и снова громко икнул.

– Ик, – пояснил он, усаживаясь на камень, – это заблудившийся пук. Я так думаю, пусть уж лучше икается...

Второй великан лишь мельком глянул на него.

– Есть в тебе одна хорошая черта, брательник, – сказал он ему, возвращаясь меж тем взглядом к Пете, – но ты на ней как раз сейчас сидишь...

– Как живешь, Петя? – спросил.

– Живу хорошо, – отвечал Петя, покачиваясь на крюке, – но никто отчего-то не завидует. Висьмя живу, можно сказать...

– Ах, да... – ухмыльнулся великан-интеллигент и принялся осторожно снимать Петю. – Был я тут на днях у Кощея, сказывал он о тебе...

Первый великан шумно завозился рядом – чего-то стелил, взбивал. Поняв, что остался без обеда, он явно укладывался спать. Бормотал негромко что-то.

– Целый день вчерась на речке проторчал, – разобрал Петя, – уйму камней в нее перебросал. И вот – странное дело: как бы ни бросал в воду камень я, а каждый раз попадаю в центр круга. И камни формой-то все разные, а круги – круглые все отчего-то...

Великан-интеллигент осторожно поставил Петю на ноги и хмыкнул, кивнув на первого:

– Растет братишка, лет еще так двести-триста, и совсем поумнеет. Есть задатки на то...

Вот о том и покумекай, – сказал брату-великану, – ложись и думай. Приду – проверю.

Вместе с Петей вышли из пещеры, уселись на камнях рядом.

– Двое нас, братьев, – сказывал великан-интеллигент, – когда-то и я в пещере жил, тоже жрал что ни попадя. А куда денешься? Сказка ведь, а у нее, как известно, свои правила. Хочешь не хочешь, а надо...

Пока не понял как-то, – продолжал он, – что никаких правил у сказок-то и нет. И границ никаких, да и законы сказочные все, как дым, – видимость одна.

А что есть, – говорил далее великан, – так это страх перед самим собой. Ведь ежели от законов тех отказаться, сам с собою и останешься. Пока тобой крутят-вертят, лишь о брюхе сытом думаешь. А как свободу получишь... – это же сколько думать надо, решать, выбирать... не каждый на то осмелится...

Я рискнул, – сказал великан, – и не жалею. Кощей помог, был у него как-то в гостях, а придурь-то его возьми да и сойди... Так и жил у него потом – с Кошеем-придурком пьянствовал, с Кошеем-мудрым – учился...

Тогда и понял, – добавил, – что как с собой ни борись – а все одно проиграешь. Хозяин из тебя завсегда пробьется, может – сейчас, может – через тыщу лет, а проявится.

– Ждать долго приходится, – вставил и свое слово Петя, вспомнив свой сказочный возраст.

– Так то – когда как, – отвечал великан. – В жизни, Петя, все относительно. Время – и то относительно. Длина минуты зависит от того, с какой стороны двери в туалет ты находишься. Ежели очень приспичит – живо Хозяина съешь.

Так что, – сказал великан, – пути Хозяина хоть и неисповедимы, Петя, зато вполне проходимы.

А проблем – не страшись, – говорил, – если у тебя нет проблем – значит, ты уже умер. Жить без них неинтересно. Назови их только по-иному – играми, например. И играй вволю. Проблемы боль приносят лишь мыслями о них самих, когда проиграть, скажем, боишься. А когда понимаешь, что лишь игра это, – то что же проиграть можно? Игру? Подумаешь, так еще одну сызнава и начнешь.

Рассказал тогда Петя ему о догадках своих, обрадовался великан-интеллигент, даже в ладоши хлопнул.

– Молодец, Петруха, – сказал, – говорил мне Кощей, что есть в тебе что-то... этакое... Не ошибся.

Вот и я к тому же пришел, – вспоминал великан, – *не из чего выбирать в мире этом. Все одно есть – игра. А как выбрать, что захочешь, – так обратное и получишь. Качели такие, жмешь в одном конце, а вскидывается конец другой – противоположный.*

Поэтому не думать требуется в мире этом, выбирая что получше, – подвел итог, – а просто жить. И радоваться тому... И не относиться слишком серьезно к жизни этой, живыми нам из нее все равно не выбраться...

Выслушал великан рассказ Пети об испытаниях Змея Горыныча, усмехнулся чему-то своему.

– Правильно Горыныч делает, – непонятно сказал, – чтобы не ударить себя по пальцу, молоток надоть двумя руками держать...

– Какой еще молоток? – удивился Петя.

– А состояние-то Хозяина... – хитро захихикал великан. – Не так все просто, Петя. Ежели человек говорит правильные слова – это вовсе не значит, что он их понимает. А понимание-то, оно насквозь прорасти должно, а не от головы идти.

Ты и так уже многое осознал, – одобрительно ткнул Петю пальцем в живот, тот чуть с камня не свалился. – Если понял, что совет, кому-либо предназначенный, себе же давать надо, – считай, что до половины уже свою сказку прошел. А то и более...

...Долго еще Петя с великаном говорили. И застала их ночь, и спать они, поев, улеглись.

А поутру, собрав Пете в дорогу котомку со снедью нехитрой, так сказал ему великан-интеллигент:

– В одной книге умной прочел. Что это, до конца не понял. Но звучит хорошо. Вдохновляет: «Если тебе кажется, что у рояля все клавиши черные – просто подними крышку».

И добавил, в сторону глядя:

– Все, уходи, а то сейчас привыкну...

* * *

Шум галдящей толпы, ржание лошадей, лязганье повозок, крики зазывал оглушили Петю. Он шел по гудящему ярмарочному базару, не совсем понимая, зачем он здесь оказался. Так, ноги сами привели...

Его дергали за рукава, что-то предлагая, зазывно кричали в лицо, заполняли уши обрывками фраз.

– После того, что царь сделал со своим народом, он просто обязан на нем жениться... – жаловался кто-то рядом.

– ...Мальчик на побегушках не требуется? Триста верст пробег всего-то, – предлагали.

– ...Все пчелы вернулись в улей с медом, а одна, самая маленькая и вредная – с дегтем... – рассказывали слева.

– ...Хоть кто-нибудь продает здесь нормальные человеческие яйца?! – возмущенно вопрошали справа.

– А вот девка красная, хоть куда!..

- Куда, куда? – не понял Петя.
- Да хоть куда, говорю же...
- У меня старуха есть, – отмахнулся Петя.

Тут он устремился вперед, приметив в толпе знакомое лицо. Возле большой палатки, держа кого-то за руку ладонью кверху, стояла Баба Яга.

– ...А, лет до пятидесяти будешь ты, красавица, страдать от нехватки денег, – говорила она напевно.

- А потом? – с надеждой спросили ее.
- А потом ничего, привыкнешь...

Узнав Петю, обрадовалась. На шее повисла.

– Не пропадай, – сказала затем, – сейчас я занята, работы невпроворот, а вот как стемнеет, туда приходи, – ткнула Яга пальцем в какую-то развалюху рядом.

...Едва отыскал Петя в густых сумерках обозначенную бабкой хижину. Постучал.

- Кто там? – спросили его хрипло из-за двери.
- Я здесь, – устало ответил Петя.
- Нет... Я – здесь! А там кто? – не согласились за дверью.

Неизвестно, чем бы закончился разговор, если бы не признал Петя голоса матерного.

– Леший, ты, что ли? – спросил.

Скрипнув, дверь отворилась.

...Внимательно слушала его Яга. Головой кивала, словом переспрашивала, зубом цыкала.

– Сложна задача твоя, Петя, – вконец сказала.

– И не в блюдце том с яблоком дело, – добавила подумав. – Трубы медные твои на подходе... Огонь и воду одолел, поди уже... Учат тебя... Над собой поднимают...

– А ты и не противься, – говорила, – какое тебе дело до формы кувшина, когда пить охота.

– По-разному знания приходят... Эх, – засокрушалась, – всю жизнь борюсь с чужими недостатками, а до своих руки все никак не доходят... А вот ты молодец, Петя, не зря по душе мне пришелся-то...

– Не кручинься, – говорила Яга, постель взбивая, – найдем выход. Вот завтра и поищем. А пока ложись, опочивай... Утро, знаешь ведь, оно завсегда вечера мудренее.

...И последнее, что услышал Петя, перед тем как уснуть, были увещевания Яги.

– Никогда не пей такой горячий чай, – говорила она Лешему, – а то, неровен час, лопнет мочевого пузыря, и ошпаришь себе ноги...

Единство и двойственность мира.

Иллюзорность выбора. беременность проблемой

Настало время слегка замедлить темпы нашего движения и, «подтянув как всегда отставшие арьергард и кухню», несколько более основательно «расквартироваться» на осваиваемой территории **играющего Хозяина**.

Мы очень надеемся, что наши предыдущие уроки не прошли всуе, что новые и смешные техники, полученные вами, не пылятся на «хламных и пыльных полках» вашего сознания, а становятся все более активным инструментом во взаимодействии как с внешним, так и с внутренним миром. Что в принципе – суть одно, как вы уже знаете.

А если это так, то вы не могли не заметить и не ощутить, как меняется у вас понимание Хозяйского состояния и самого Хозяина, *как меняетесь вы сами в этом новом качестве.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.